

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-822-839

EDN: FCMGQF

Научная статья / Research article

Татарская гуманитарная мысль и «Аз и Я» Олжаса Сулейменова

И.К. Загидуллин¹, Д.Ф. Загидуллина²

¹ Центр исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация

² Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова,
Академия наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация

✉ zagik63@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено историографии вопросов древней истории и культуры тюркских народов в контексте 50-летия публикации книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Книга благонамеренного читателя». Цель — изучение и оценка трудов татарских гуманитариев по этой теме с точки зрения достижений современной науки; введение новых материалов в научный оборот. Особое внимание уделено реконструкции этапов развития научной мысли, осмыслению вклада отдельных исследователей досоветского и советского периодов в данную область знаний. В татарской исторической науке интерес к древним пластам культуры тюркских народов проявился на рубеже XIX–XX вв., во многом под влиянием основоположника татарской исторической мысли Ш. Марджани и просветителя К. Насыри. Выполненный в статье *сравнительный анализ* трудов И. Хальфина, Х.-Г. Габяши, А.-З. Валиди и др. свидетельствует о глубоких знаниях и широте их взглядов по истории и культуре тюркских народов России. В качестве ключевого элемента высокой культуры древних тюрков авторы указывают наличие письменности, высказывая с акцентом на удревление свои версии о времени его появления, существование в степи городов, ремесел, торговли и земледельческого производства. Во многом адресованностью этих изданий учащимся медресе, а также преподававшим в них мударрисам и мугаллимам объясняются стиль, структура и характер изложения материала. Эти труды сыграли ключевую роль в появлении с 10-х гг. XX в. в новометодных татарских школах новой учебной дисциплины «История тюрков» и формировании у подрастающего поколения причастности своих предков к древней истории тюркских народов Евразии. В Татарской АССР история и культура древнетюркского периода была представлена, главным образом, в написанных в первые годы советской власти книгой Г. Губайдуллина «Татар тарихы» («История татар», 1922) и в I-м томе совместного фундаментального труда Г. Губайдуллина и Г. Рахима «История татарской литературы» (1923). К древнему периоду в истории татарской литературы ученые относят эпохи, начиная от древнетюркской и заканчивая концом XVIII в. В следующие десятилетия советской власти изучение древнетюркского периода стало прерогативой столичных академических научных центров. Вместе с тем автохтонная концепция, рекомендующая изучать историю этноса в рамках границ национальной республики вплоть до конца 1980-х гг., не позволяла включать древнетюркский период в обобщающие труды «История Татарской АССР». Так была прервана традиция

© Загидуллин И.К., Загидуллина Д.Ф., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

рассмотрения истории татар как части истории кочевого тюркского мира. Увидевшая свет в 1975 г. книга О. Сулейменова «Аз и Я» оказалась созвучной настроениям татарских ученых, которые по причине выдавливания исследований древнетюркской истории из татарской историографии воспринимали ее как своего рода прорыв воздвигавшейся официальной идеологией и подвластных ей научных институций преграды на пути всестороннего изучения языка, истории, литературы и культуры древних тюрков. Этим объясняется актуальность данного исследования. В постсоветское время включению древнетюркского периода в историю татар предшествовало начало изысканий по истории Золотой Орды в начале 1990-х гг., показавшее евразийский масштаб истории татарского народа. Знаковым событием в этом процессе явилось издание в 2002 г. в Казани первого тома семитомной «Истории татар с древнейших времен» — книги «Народы степной Евразии в древности».

Ключевые слова: древняя история и культура тюркских народов, О. Сулейменов, Г. Губайдуллин, И. Хальфин, Х.-Г. Габяши, А.-З. Валиди

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Загидуллин И.К. — концепция изучения истории и культуры татар в дореволюционный и советские периоды в контексте социально-политической ситуации; Загидуллина Д.Ф. — концепция исследования, список литературы, анализ источников. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Загидуллин И.К., Загидуллина Д.Ф. Татарская гуманитарная мысль и «Аз и Я» Олжаса Сулейменова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 822–839. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-822-839>

Tatar Humanitarian Thought and “AZ i IA” by Olzhas Suleimenov

Ildus K. Zagidullin¹✉, Dania F. Zagidullina²

¹ Center for Islamic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

² G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

✉ zagik63@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the historiography of the ancient history and culture of the Turkic peoples in the context of the 50th anniversary of the publication of Olzhas Suleimenov’s book “AZ i IA”. The Book of a Well-Intentioned Reader.” The purpose of the research is to study and evaluate the works of Tatar humanities scholars on this topic from the perspective of modern science achievements, and to introduce new materials into scientific circulation. Special attention is given to reconstructing the stages of the development of scientific thought and understanding the contribution of individual researchers from the pre-Soviet and Soviet periods to this field of knowledge. At the turn of the 19th and 20th centuries, interest in the ancient layers of the culture of the Turkic peoples emerged in Tatar historical studies, largely influenced by the founder of Tatar historical thought, Sh. Mardzhani, and the educator K. Nasyri. A comparative analysis of the works of I. Khalfin, Kh.-G. Gabyashi, A.-Z. Validi, and others conducted in this article demonstrates their deep knowledge and broad perspective on the history and culture of the Turkic peoples of Russia. The authors point out that the key element of the high culture of the ancient Turks was the presence of writing, and they express their opinions about the time of its appearance, the existence of cities,

crafts, trade, and agricultural production in the steppes. The style, structure, and nature of the presentation of the material are largely influenced by the fact that these publications were intended for students of madrasas, as well as for the mudarris and mugallim who taught there. These works played a key role in the introduction of the new subject “History of the Turks” in new-method Tatar schools in the 1910s, and in teaching the younger generation about their ancestors’ involvement in the ancient history of the Turkic peoples of Eurasia. In the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, the history and culture of the Old Turkic period were mainly presented in G. Gubaidullin’s book “Tatar Tarihy” (“History of the Tatars,” 1922), written in the early years of Soviet rule, and in the first volume of G. Gubaidullin and G. Rakhim’s collaborative work “History of Tatar Literature” (1923). Scholars consider the Old Turkic period and the late 18th century to be part of the ancient era in the history of Tatar literature. In the following decades of Soviet rule, the study of the Old Turkic period became the prerogative of the capital’s academic research centers. However, the autochthonous concept, which recommended studying the history of the ethnic group within the borders of the national republic until the late 1980s, prevented the inclusion of the Old Turkic period in the comprehensive works “History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic.” This interrupted the tradition of considering the history of the Tatars as part of the history of the nomadic Turkic world. O. Suleimenov’s book “AZ i IA,” published in 1975, resonated with the sentiments of Tatar scholars, who, due to the suppression of research on ancient Turkic history in Tatar historiography, perceived it as a kind of breakthrough in the official ideology and its scientific institutions, which hindered the comprehensive study of the language, history, literature, and culture of the ancient Turks. This explains the relevance of this study. In the post-Soviet era, the inclusion of the ancient Turkic period in the history of the Tatars was preceded by the beginning of research on the history of the Golden Horde in the early 1990s, which revealed the Eurasian scale of the history of the Tatar people. A significant event in this process was the publication in 2002 in Kazan of the first volume of the seven-volume “History of the Tatars from Ancient Times,” the book “The Peoples of Steppe Eurasia in Antiquity.”

Key words: Ancient History and Culture of the Turkic Peoples, O. Suleimenov, G. Gubaidullin, I. Khalfin, H.-G. Gabashi, A.-Z. Validi

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors’ contribution: *Zagidullin I.K.*: the concept of studying the history and culture of Tatars in the prerevolutionary and Soviet periods; *Zagidullina D.F.*: the concept of research; References; sources analyzing. Both of the authors read and approved the final version of the article.

Article history: received 10.08.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Zagidullin, I.K., and D.F. Zagidullina. 2025. “Tatar Humanitarian Thought and ‘AZ i IA’ by Olzhas Suleimenov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 822–839. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-822-839>

Введение

Книга Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Книга благонамеренного читателя» — одно из явлений, которое «разбудило» научную мысль всех тюркских народов, в том числе историческую и филологическую мысль татарского народа советского периода, которая ярко заявила о себе во всем тюркоязычном мире в конце XIX–начале XX в.

В татарской исторической науке интерес к древним пластам культуры тюркских народов возник во многом под влиянием основоположника татарской исто-

рической мысли Ш. Марджани¹ и просветителя К. Насыри². В их трудах обосновывалось болгарское происхождение татар и одновременно отстаивался этноним «татары», в то время как татаро-мусульманская интеллектуальная элита преимущественно выступала за сохранение возобладавшего среди татар конфессионима «мусульмане» (он использовался как маркер этнической идентичности) либо за использование этнонима «тюрки», подчеркивавшего принадлежность татарского этноса к тюркскому миру.

В татарской историографии конца XIX — начала XX в. появляются труды, в которых история татар рассматривается в контексте истории тюркских народов. Их первый научный анализ связан с именем известного татарского историка Газиза Губайдуллина³, который во второй день работы (27 февраля 1926 года) Первого Всесоюзного тюркологического съезда, названного азербайджанской исследовательницей Тамиллой Керимовой съездом, «объединившим тюркский мир» и «самым знаменательным событием в истории тюркологии новой эпохи, яркой страницей культурной жизни тюркских народов» [1. С. 20], выступил с докладом «Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов».

Свое выступление Г. Губайдуллин начинает с оговорок: «...я буду касаться лишь тех произведений по истории тюрко-татар, которые написаны тюрками Советского Союза, и тех, которые написаны под некоторым влиянием западно-европейской исторической науки» [2. С.100].

Первым историком такого уровня он называет Ибрагима Хальфина⁴ и его книгу «Жизнь Джингиз-Хана и Аксак-Тимура...» (1822), особо отметив его предисловие. И действительно, в нем составитель, кратко разъяснив структуру издания, впервые сформировал цели подобной научной деятельности: «Но при издании сих отрывков, как единственных, может быть, об исторических остатках о Казанских Татарах, имелось в виду сколько сохранить от переискажения, сколько для того, дабы сим средством обратить внимание ученых единоверцев своих (о чем пространственно сказал в предисловии) на отыскании и познании памятников событий истории племен Татарских, о чем они до сих пор совершенно небрегли» [3. С. 3, 4]. Значение данного сборника, безусловно, определяется его предназначением: став учебным пособием для студентов Казанского

¹ **Шигабутдин Марджани** (1818–1889) — татарский мусульманский богослов, просветитель, этнограф, археограф, востоковед и педагог. В 1885 году в Казани издает 1-й том книги «Местафад эл-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар» («Источники по истории Казани и Булгар», 1885), в котором сосредоточил основное внимание на истории волжских болгар и казанских татар, также сообщал о хазарах, кипчаках, буртасах, отмечая общность их происхождения.

² **Каюм Насыри** (Насыров Габделькаюм Габденнасырович) (1825–1902) — татарский учёный-этнограф, литератор и просветитель второй половины XIX в.

³ **Губайдуллин Газиз Салихович** (1887–1937) — российский, советский историк-востоковед, тюрколог, литературовед, педагог, писатель; специалист по истории и культуре тюркских народов Евразии. Жертва сталинских репрессий.

⁴ **Ибрагим Исхакович Хальфин** (1778–1829) — первый татарский педагог, учитель гимназии, наиболее яркий и талантливый представитель семьи Хальфиных. В 1812 году был назначен в Казанский университет лектором татарского языка, в 1823 году избран адъюнктом-профессором восточной словесности.

императорского университета, он пробуждает интерес к истории татарского народа среди нескольких поколений людей интеллектуального труда.

Считая весьма великим роль еще одного человека, «который в сороковые годы среди российских тюрков жил и писал», — азербайджанского историка Бакиханова⁵, Губайдуллин отмечает: «Бакиханов владел не только восточными, но и русским языком. Ему были известны такие русские историки, как Карамзин, и некоторые античные авторы, которые так или иначе касались в своих трудах прошлого этой страны. Автор «Гюлистан Ирям», по сравнению с другими тюркскими историками, как, например, с татарским Марджани, является вполне европейцем, и образ мысли у него также напоминает нам европейских и русских историков» [2. С. 113]. Уже в наше время подготовивший издание к публикации крупный азербайджанский историк, академик АН Азербайджанской ССР З.М. Бунятов напишет: «Выдающийся историк, филолог, поэт, философ и ученый-энциклопедист первой половины XIX в. Аббас Кули-ага Бакиханов является основоположником азербайджанской научной историографии, а его труд «Гюлистан-и Ирам» — первым монографическим исследованием академического плана» [4. С. 4].

Разъясняя читателю свою миссию, Бакиханов несколько поэтично заявляет: «Жить настоящим, не ведая прошедшего, значит войти в пустыню без пути и блуждать в ней без цели. Опасность неизбежна; если каждый человек из опытов кратковременной жизни своей получает пользу, то в какой же степени надлежит ожидать оной от Истории, которая основана на опытах жизни целого человечества. Изучение Истории особенно важно для того народа, чью прошедшую жизнь она описывает. Она знакомит его с качествами родной земли, с характером племен, ее населяющих, и выводит результаты из всех взаимных отношений народов, указывая на вред и пользу» [5. С.8].

По мнению Г. Губайдуллина, во второй половине XIX в. в исследовательской парадигме тюркских народов России происходит переосмысление своей истории и культуры в контексте восточной и западной (русской и европейской) научных традиций. Важную роль в этом он отводит татарским просветителям Ш. Марджани и К. Насыри. В их трудах обосновывалось болгарское происхождение татар и одновременно отставался этноним «татары», в то время как татаро-мусульманская интеллектуальная элита преимущественно выступала за сохранение возобладавшего среди татар конфессионима «мусульмане» либо за использование этнонима «тюрки», подчеркивавшего принадлежность татарской нации к тюркскому миру. Г. Губайдуллин особое внимание уделяет научным трудам Марджани, которые, по его мнению, написаны с учетом не только восточной, но и русской историографии. Докладчик отмечает: «Марджани был первым тюрко-

⁵ **Аббас Кули-ага Бакиханов** (1794–1847) — азербайджанский ученый-просветитель, поэт и писатель, писавший на азербайджанском, персидском и арабском языках. В его книге «Гюлистан-и Ирам» («История восточной части Кавказа») сделана первая попытка дать общий обзор *истории Азербайджана* с древнейших времён до 1813 года. Книга написана в 1841 году на персидском языке. В 1844 году Бакиханов перевел ее на русский язык под названием «История восточной части Кавказа».

татарским историком России, вступившим на европейскую арену. На VI Археологическом Съезде 1874 г.⁶ в Казани он выступил с докладом на тюрко-татарском языке по истории болгар и татар, в котором старался выяснить до того неизвестные имена болгарских ханов. Этот доклад Марджани, который вошел впоследствии в «Труды Съезда», является первым опытом систематического изложения истории приволжских тюрков [2. С. 114].

Также детально проанализировав деятельность К. Насыри, Губайдуллин важным в его деятельности определяет сбор и систематизацию историко-культурных материалов: «Главная заслуга Насыри в области истории приволжских татар не в систематическом изложении истории своего народа, не в отдельных монографических произведениях, а в собирании фактов и исторических документов» [2. С. 116]. Наряду с ним докладчик упоминает имена И. Гаспринского, Г. Ахмарова, Ю. Акчуры и Р. Фахреддина, занимавшихся отдельными вопросами этой обширной тематики.

Среди первых татарских историков, представивших историю и культуру тюрков, Губайдуллин называет Хасан-Гату Габяши, Ахмет-Заки Валиди, Габделбари Баттала. По его мнению, их деятельность способствовала введению этого предмета в расписание мектебов и медресе, тем самым приводя к популяризации этой отрасли науки. При этом за пределами его интереса остались первые учебные пособия Габяши, опубликованные в конце XIX в.

С высокой трибуны съезда докладчик представил краткий обзор ситуации с исследованием истории тюркских народов после 1917 г. в срезе республик. Он свидетельствует о том, что историк хорошо знал своих коллег и круг их научных интересов. В частности, Г. Губайдуллин с большим уважением упоминает «Историю Азербайджана» (1923) Рашида Измаилова, работу Мамед-Гасана Бахарлы, деятельность начинающего историка Рзы Шабанова и многих других. Как пример указывается, что «азербайджанские тюрки не только интересуются историей своей литературы, но уделяют огромное внимание изучению литературного творчества других тюркских племен» [2. С. 128]. В этом плане ученый ставит их деятельность в пример историкам других тюркских народов.

Он высоко оценивает работу «профессора Чобан-Заде о кумыкском языке и литературе, которая дает нам важные сведения как по истории, так равно и по истории литературы кумыкского народа, столь мало изученного в русской и европейской науке» [2. С. 128].

По истории узбекского народа Губайдуллин особое внимание уделяет сбору материалов Гази-Алимом Юнусовым — народных дастанов, названий родов и их тамг; литературного творчества Айни и Вадуда. Он упоминает «Историю Бухары» Б. Салиева, переводы «Истории Бухары» Вамбери и «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» академика В.В. Бартольда и др. Он пишет: «...интеллигенция узбеков, умудренная опытом других тюркских племен, не спешит писать на скорую руку историю своего народа, ограничиваясь пока собиранием исторического материала» [2. С.129].

⁶ Здесь Г. Губайдуллин на несколько лет ошибается: съезд проходил в 1877 г. (прим. авт.)

По Казахстану упоминается Валиханов, Букейханов, Худайбердин, Диваев, Тынышпаев, по Крыму — труды Османа Акчокраклы, Ахмеда Озенбашлы «Крымская трагедия в царский период или татарские переселения» и т.д. Губайдуллин прослеживает труды башкирских, чувашских историков, указывая на сильные и слабые стороны их трудов.

К сожалению, в советский период историография этого направления оставалась вне поля зрения ученых-исследователей. Только на рубеже XX–XXI вв. началось изучение отдельных трудов.

Обсуждение

В татарской историографии конца XIX — начале XX в. появляются труды, в которых история татар рассматривается в контексте истории тюркских народов. Первым такой подход к национальной истории использовал Х.-Г. Габяши⁷, автор таких исторических сочинений, как «Төрк ыруглары» («Тюркские роды», 1897), «Мохтасар тарих кауме төрк» («Краткая история тюркского народа», 1899) и «Мефассал тарих кауме төрк» («Подробная история тюркского народа», 1909), в которых излагается история тюрков, указывается их место и роль в мировой истории.

Толчком к появлению этих трудов, подготовленных в качестве учебников для медресе, по нашему мнению, стали важные в этой сфере науки события: обнаружение в 1889 г. Н.М. Ядринцевым в Центральной Монголии, на берегу реки Орхон, древнетюркских памятников в честь Бильге-кагана (735) и его брата, полководца Кюль-Тегина (732), а также открытие в 1891 г. еще одного (Онгинского) памятника рунической письменности; дешифровка профессором В. Томсеном текстов орхонских рунических памятников; издание в 1892 и 1893 гг. российским тюркологом В.В. Радловым «Трудов Орхонской экспедиции» (см. [6. 54–63]).

На титульном листе своего учебного пособия «Төрк ыруглары» («Тюркские роды», 1897) автор сообщает читателю о том, что в книжке «кратко рассказывается обо всех родах и народах тюрков и татар, об особенностях их жизнедеятельности». Это издание является первой серьезной проработкой данной темы: оно в определенной степени способствовало преподаванию истории и культуры тюрков в татарских мектебе на рубеже XIX–XX вв.

Наряду с таким пояснением в книжке имеются еще два предисловия (адресованные взрослым и детям), в которых автор указывает предназначенность материала для начальной школы и разъясняет свои цели и задачи. С учетом новизны обозначенной темы среди тюркских народов автор отмечает, что «Первой задачей в написании этих историй является предоставление знания о своей истории большинству тюркских народов» [7. С. 2]. По его мнению, это важно для того, чтобы

⁷ Габяши Хасан-Гата Мухамметович (1863–1936) — татарский религиозный и общественный деятель, мусульманский богослов, историк, тюрколог. Автор исследований по вопросам философии, педагогики, истории. В январе 1932 г. арестован, осужден и отправлен на исправительные работы в Архангельскую область. В начале 1936 г. освобожден по состоянию здоровья.

знать историю своего народа, своей страны, семьи. Во втором предисловии автор развивает эту мысль: «Знайте свою родину и служите ей — любите ее!» [7. С. 4].

Через два года дополненное издание своего труда Габяши издает под названием «Мохтасар тарих кауме төрк» («Краткая история тюркского народа», 1899). Здесь он считает нужным отметить, что им материал по «национальной истории» собран в течение 16 лет [8. С. 2]. Можно констатировать, что у Габяши интерес к древнетюркскому периоду возник еще до великих научных открытий конца 1880–1890-х гг. под влиянием общения с Ш. Марджани и его публикаций.

Исследовательский опыт Х.-Г. Габяши позволил ему первым из татарских историков разработать общую периодизацию тюркской истории, выделив три этапа: Древняя эпоха, Средние века, Новое время. Древнюю эпоху истории татар он начинает с хуннов и гуннов и завершает разгромом монгольскими войсками Волжской Булгарии в 1236 г., Средние века охватывают период от 1236 до 1552 г. [9].

Характеризуя древнюю эпоху, автор придерживается библейско-коранической версии происхождения народов. Тюркские народы, по его версии, происходят от сына Яфаса — Тюрка, которого отец оставил после себя в качестве правителя и повелел остальным сыновьям подчиняться ему [9. С. 306]. Тюрк и племена расселились в Средней Азии рядом с озером Иссык-Куль и вдоль Алтайских гор [9. С. 38]. Со ссылкой на Фридриха Мюллера Х.-Г. Габяши выделяет 17 тюркских народов, входящих в состоящую из 52 этносов туранскую группу.

Термин «тюрки» Х.-Г. Габяши использует в двух значениях: для обозначения восходящих к сыну Яфаса и принадлежащих к туранской группе родов, а также обозначения собственно тюркских народов. К тюркам, с учетом схожести материальной культуры и кочевого образа жизни, он относит скифов, массагетов, сарматов. Ученый обращает особое внимание на существование в древности у кочевых народов городов, ремесел и земледельческого производства. По его сведениям, самое древнее известие о тюрках зафиксировано в китайском источнике, относящемся к 2819 г. до нашей эры. В нем содержатся сведения об образе жизни тюркских племен, проживавших на севере и северо-западе Китая [9. С. 195].

Х.-Г. Габяши сообщает о расшифровке профессором Гельсингфорского (Хельсинского) университета Вильгельмом Томсенем тюркских рунических надписей и их издании В.В. Радловым (с переводом на русский язык) [9. С. 206]. Татарский историк дает информацию о географии распространения выявленных орхон-енисейских письменных памятников [9. С. 205] и высказывает дискуссионную мысль о том, что «руническое письмо по своему возрасту превосходит аналогичные египетское и скандинавское» [9. С. 204].

Заслуживает внимание одно из высказываний Х.-Г. Габяши: «К великому нашему сожалению, прямые наследники великой тюркской культуры, современные тюрки, были лишены возможности признания этого наследия, не занимались его изучением. Причинами этого печального явления являются, во-первых, неграмотность одной части, во-вторых, нежелание получить помощь со стороны другой ее части, в-третьих, уделение исследователями больше внимания 2–3 дисциплинам, не придавая соответствующего значения изучению истории и ее источников. Иншалла, в последнее время интерес к этой науке начинает расти. Мы надеемся, что в будущем среди тюрков найдутся достойные ученые, которые зай-

мутся изучением наследия своих отцов и дедов» [9. С. 206). Эти слова во многом оказываются созвучными с переживаниями О. Сулейменова по поводу современной ему тюркологии.

В начале 1910-х гг. началось обсуждение темы национальной идентичности татар (на страницах татарской периодической печати развернулась дискуссия «Кто мы?», в которой выделились две противоположные позиции: «татаристы», ратовавшие за этноним «татары», и «тюркисты», отстаивавшие самоназвание «тюрки»).

Именно в это время, в период оживленных дискуссий, увидела свет книга А.-З. Валиди⁸ «Төрөк вә татар тарихы» («История тюрко-татар», 1912). Как и сочинения Габяши, труд Валиди написан в качестве учебника для татарских медресе. Примечательно, что первоначально его книга называлась «История тюрков», однако одни из лидеров «татаризма» — писатель и ученый Галимджан Ибрагимов и издатель Мухаммед Идриси предложили другое название — «История татар». В конечном итоге автор и издатели пришли к компромиссу: книга была опубликована с названием «История тюрко-татар» [10. С. 184].

Спустя три года, в 1915 г., А.-З. Валиди опубликовал еще один труд — «Кыскача рәсемле төрек-татар тарихы» («Краткая иллюстрированная история тюрко-татар»)⁹.

Названия глав книги ученого свидетельствуют о его взглядах на этапы развития истории тюрко-татар. Так, глава «Тюркский народ в древности» охватывает исторический промежуток времени от хуннов до Тюркского каганата включительно [11. С. 181].

В ней автор кратко знакомит читателя с Хуннским и Гуннским каганатами и сосредоточивает основное внимание на Тюркском каганате, который в VII в. разделился на Западный и Восточный. Валиди перечисляет народы, находившиеся под властью великого кагана (огузы, уйгуры, киргизы, миркиты, карлуки), приводит имена известных каганов. Причинами упадка в начале VIII в. Западного и Восточного тюркских каганатов автор называет неурядицы в государстве и внешних врагов [11. С. 21–22].

А.-З. Валиди большое внимание уделяет культуре древних тюрков. Ученый подчеркивает, что наряду с кочевым животноводством в Тюркском каганате развивалось земледелие, строились города и крепости, существовали торговые связи внутри государства и с соседними странами, каганат поддерживал торговые и дипломатические отношения с Византией, Китаем и Ираном. Памятники Кюль-тегину и Бильге-кагану автор называет доказательством существования национальной письменности, национального государства и правителей; свидетельством высокой культуры тюрков [11. С. 22–23].

⁸ **Ахмет-Заки Валиди** (1890–1970) — государственный, политический и военный деятель, лидер башкирского национального движения (в 1917–1920 годах), уехал в эмиграцию. Публицист, историк, востоковед-тюрколог, доктор философии (1935), профессор, почётный доктор Манчестерского университета (1967).

⁹ В 1917 г. вышло второе издание этой книги, адресованное учащимся средней ступени образования.

В 1913 г. татарским историком и теоретиком литературы Г. Батталовым была закончена работа над учебником «Төрки-татар тарихы» («История тюрков-татар»). Первый раздел его труда посвящен древнетюркскому периоду. Автор дает краткую информацию о регионах расселения тюркских племен, описывает семейно-бытовой уклад кочевников, рацион их питания, отмечает, что даже при кочевом укладе хозяйства, при наличии условий, они занимались земледелием и могли начать вести оседлый образ жизни.

Батталов восхищается высокой нравственностью, открытостью, преданностью, духовной свободой, трудолюбием тюрков, подчеркивает их гостеприимство и радушие, а также воинскую доблесть. Он считает тюрков одной из древнейших народностей в мире. Не исключает, что самыми древними образцами письменности у тюрков могли быть нанесенные острием копий на доске во время заключения договоров между собой. В разделе «Культура у древних тюрков» внимание историка, главным образом, сосредоточено на орхоно-енисейских памятниках [12. С. 129]. Подчеркивая совершенство тюркского языка и наличие уникального стиля изложения, он выдвигает версию о том, что у тюрков письменность появилась очень рано [12. С. 125].

Резюмируя, отметим, что книги Габяши, Валиди и Баттала не имеют принятого для научных изданий научного аппарата, далеко не всегда в них указаны названия использованных исторических источников и научной литературы, что, впрочем, объясняется их адресованностью учащимся татарских медресе, а также преподававшим в них мударрисам и мугаллимам. Эти издания свидетельствуют о том, что начиная с 1910 г. в новометодных татарских школах появляется учебная дисциплина «История тюрков». Динамика введения нового предмета в учебную программу зависела, прежде всего, от личности и профессиональной подготовки преподавателя и наличия учебного пособия.

В это же время были сделаны первые попытки по составлению учебных пособий по истории башкир с древнейших времен до середины XVIII в. Например, татарин мулла Мунир Хади¹⁰ в 1912 г. в Казани в типографии «Умид» издает «Историю башкир» («Башкорт тарихы»). Отдельные ее части были опубликованы в журнале «Шура».

В первые годы советской власти продолжалась прежняя практика изложения истории древнетюркского периода. В 1922 г. Г. Губайдуллин издает впервые подготовленную в рамках европейской научной школы книгу «Татар тарихы» («История татар») [13. С. 65–195], в первых двух разделах которой давалась характеристика образу жизни, хозяйственному укладу кочевников, рассматривались культура и письменные традиции древних тюрков.

¹⁰ **Мухаммедмунир Мухаммадхадиевич Хусаинов** (1876–1913) — историк, писатель, религиозный деятель. Преподавал в медресе «Мухаммадия», затем в Челябинском медресе. В 1912 г. в Казани издал «Историю башкир» («Башкорт тарихы»). Используя широкий круг источников, в том числе народные предания, показал обычаи, образ жизни башкир, изложил их историю с древнейших времен до середины XVIII в., предоставил информацию о башкирских восстаниях 1735–1740 и 1755–1756.

С именем Г. Губайдуллина связано появление фундаментального труда, посвященного истории тюрко-татарской литературы. В соавторстве с двоюродным братом, известным литературоведом и текстологом Гали Рахимом¹¹, он публикует «Историю татарской литературы», в которой были собраны и систематизированы материалы по истории литературы с древнейших времен по первую половину XIX в. В первой книге (1924) рассматриваются общетюркские памятники рунической, уйгурской и арабской письменности, суфизм и его влияние на восточные литературы, приводятся сведения об уйгурской, чагатайской, сельджукской и османской литературах. Во второй книге (1923) речь идет о формировании и развитии татарского литературного языка, изучаются «Кодекс Куманикус», надгробные камни, ярлыки; анализируются сочинения Насретдина Рабгузи «Кыйссас ал-анбия», Сулеймана Бакыргани, «Субат ал-гажизин», «Кисекбаш китабы», «Сайфульмулюк» и др. Третья книга (1922) посвящена исследованию творчества поэтов и писателей XVII, XVIII, первой половины XIX в., устного народного творчества, литературе путешествий и т.д.

Богатый фактический материал, наличие теоретически выверенной концептуальной основы указывают на научную подготовленность авторов: хорошее знание истории Монголии, Китая, Алтая, Средней Азии, Европы; понимание всех тонкостей истории религии и культуры позволяют им воссоздать историю тюрко-татарской литературы на фоне истории Евразии. Знакомство с переводами китайских источников, текстами европейских путешественников в оригинале, фундаментальными трудами В. Радлова, В. Бартольда, А. Самойловича, В. Томсена, С. Малова, Ф. Корша и др. исследованиями восточно-мусульманских и татарских ученых, просветителей (в частности, Ш. Марджани, Р. Фахрутдина, Валиди), умение читать древние тексты, понимание тюркских языков обеспечивали широкую историографическую и фундаментальную доказательную базу их труда. Г. Рахим, в частности, для этого проекта специально занимался исследованием письменности древних тюрков, орхонских памятников, литературы уйгуров и узбеков и многих других проблем.

Чтобы понять значение данного проекта, необходимо упомянуть о том, что в этот период история татарской литературы как наука еще не была разработана. Большим достижением ученых следует признать разработку концепции эволюции национальной литературы в контексте общетюркской культуры (в аспекте общего и особенного) еще в период зарождения истории татарской литературы [14. С. 12–14].

Авторы образно уподобляют литературу тюркских народов Средневековья могучему дереву, которое «распускало» свои ветви и цветы во все стороны света: в каждой местности, у каждого народа создавались произведения, связанные между собой общностью сюжетов и мотивов, каковым, например, является распространенный в тюркских литературах сюжет о Юсуфе и Зулейхе. И хотя начи-

¹¹ **Габдрахимов Гали Мухамметшакирович** (1892–1943) — один из лидеров национального возрождения начала XX в, писатель, литературовед. В 1931–1934, 1938–1940 гг. был необоснованно репрессирован.

ная с эпохи Золотой Орды происходит географическая и языковая дифференциация тюркских литератур, они не утрачивают связей и продолжают развиваться в рамках единой литературной общности.

К древнему периоду в истории татарской литературы ученые относят эпохи, начиная от древнетюркской и заканчивая концом XVIII в., когда в литературе обозначаются новые явления: процессы перехода от средневекового типа художественного сознания к просветительской литературной парадигме, возобладавшей со второй половины XIX в.

Труд Г. Рахима и Г. Губайдуллина примечателен широким освещением культурно-исторического контекста, что позволяет установить исторические, этнические, культурологические факторы, обусловившие особенности становления и развития татарской литературы в VIII–XIX вв.

Таким образом, как отмечают авторы во Введении издания, этот труд — не просто история татарской литературы, а история культуры (языка, мировоззрения и пр.) поволжских тюрков [15. С. 18].

Значительное внимание авторы уделяют памятникам древнетюркской письменности. Сделав обзор существующих научных трудов относительно происхождения древнетюркского алфавита, они пишут: «По китайским источникам, самая древняя в истории тюркская народность, известная под именем хун-ну, имела свою письменность. Однако вследствие того, что от хуннов не осталось каких-либо письменных документов, мы не можем достоверно знать, какой была эта письменность, был ли у тюрков в то время свой алфавит или они использовали китайский или какой-либо другой» [15. С. 52]. Проанализировав разные точки зрения относительно происхождения руноподобных древнетюркских письмен, татарские ученые останавливаются на двух гипотезах: В.В. Радлова, который склонялся к тому, что тюрки получили алфавит от готов; и гипотезе, согласно которой основой письменности древних тюрков могли служить их родовые знаки «тамга» [15. С. 58–59]. Отметим в этой связи критическое отношение О. Сулейменова к точке зрения, согласно которой тюрки заимствовали письменность у иранцев: «Письменность тюрков была поспешно без строгого анализа и сопоставлений объявлена заимствованной у иранцев. Объявили и отмахнулись. Эта гипотеза вполне укладывалась в систему взглядов на кочевую Азию, и потому необходимости и никаких дополнительных исследований по установлению подлинного генезиса этой письменности не возникло»¹².

Относительно времени возникновения письменности татарские ученые заявляют, что это было намного раньше появления орхонских намогильных камней [15. С. 60], при этом отмечая, что найденные (на тот момент) образцы относятся к VI в. О. Сулейменов также обращает внимание на эту проблему, ставя во многом риторический вопрос: «Берет под сомнение то, что таласские камни написаны в V–VI веках н.э. Можно ли, исходя из нерешительного предположения Доннера, Каллаура и Гейкеля, сделанного не на основе широких этимологических исследований, без учета данных мировых алфавитных систем, сегодня безапелляци-

¹² Сулейменов Олжас. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата : Жазушы, 1975. С. 201.

онно проводить четкую черту под V–VI веками, объявляя эту дату началом истории тюрков?»¹³.

Таким образом, резонирующими оказываются точки зрения татарских ученых и казахского мыслителя О. Сулейменова на появление у тюрков письменности: «Бесспорно одно, — подчеркивают Г. Рахим и Г. Губайдуллин, — в древние времена у тюрков была своя письменность» [15. С. 59]. Этому высказыванию созвучна мысль О. Сулейменова относительно предыстории тюркского рунического письма: «Мы вправе пока позволять себе осторожные позитивные формулировки; но, по сути, голословно утверждение — этого не было и не должно быть! Оно зиждется не на твердо установленных фактах, а на предрассудочной традиции. Никакое имя в науке не может заменить аргумента. Подчас самые яростные отрицания, опирающиеся на зримую пустоту, переплетаются с самыми большими вероятностями ошибок. И мне как писателю и любителю истории не хотелось бы, чтобы тюркская письменность, которая может стать важным свидетельством древности тюркского языка и культуры, была бы походя, бездоказательно принесена в жертву ложно-аксиоматическому тезису и истолкована как случайность, не достойная специального рассмотрения»¹⁴.

Несмотря на критику «Истории татарской литературы» Г. Рахима и Г. Губайдуллина со стороны отдельных деятелей татарской науки и литературы (критика эта в основном сводилась к обвинениям в игнорировании марксистской методологии), она уже со второй половине 1920-х гг. стала использоваться как основа для преподавания татарской литературы в вузах, учительских институтах, техникумах.

Судьбы авторов первой многотомной «Истории татарской литературы», впервые предложивших включить в истории литератур тюркских народов древнетюркский период (такой подход в настоящее время принят как научная основа большинством ученых-тюркологов, занимающихся изучением литератур разных тюркских народов), оказались трагическими: в 1930-е гг. они попали под жернова сталинских репрессий. Их имена надолго были преданы забвению, хотя созданная ими научная концепция возобладала в советский период, о чем свидетельствуют написанные в разных тюркоязычных республиках истории национальных литератур.

С 1930-х гг. в Татарской АССР изучение национальной истории осуществлялось в рамках автохтонной концепции: изыскания ограничивались территориями Волго-Камья, т.е. Волго-Камской Булгарией, Казанским ханством, Казанской губернией и ТАССР.

В послевоенный период в ТАССР отсутствовало само научное направление «История татар». В коллективных трудах, изданных в 1950–1980-е гг. под названием «История ТАССР», освещалась история края, в контексте которой были представлены сюжеты о материальной и духовной культуре этноса в Волго-Камье в Средние века, Новое и Новейшее время. В этой связи обращает на себя внима-

¹³ Сулейменов Олжас. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата : Жазушы, 1975. С. 203–204.

¹⁴ Там же. С. 207.

ние «выключение» отдельных периодов истории татар, в частности древнетюркского периода. Примечательно, что в коллективных монографиях «История ТАССР» после раздела о первобытно-общинном строе, написанном по материалам археологических раскопок в Волго-Камье, сразу шел раздел по истории Волжской Булгарии. Таким образом, изымался целый пласт истории, связанный с древнетюркским миром. Получалось, что изучение истории в ТАССР и научные открытия советских ученых в Москве, Ленинграде и союзных республиках по древнетюркскому периоду существовали как бы в параллельных мирах, не пересекаясь.

Первые попытки изменения данной ситуации начинаются только в 1950-е гг.: сектор литературы Института языка, литературы и истории под руководством доктора филологических наук Мухаммета Гайнуллина¹⁵ приступает к подготовке учебника-хрестоматии «Борынгы әдәбият тарихы» («История древней литературы»). Этот труд был издан в 1963 г. (составители Х. Мухамметов, Х. Хисматуллин, Ш. Абилов, У. Беляева, С. Исанбаев). Однако в него вошли материалы только по литературе XIII–XVIII вв.

Примерно в эти же годы доктором филологических наук Хатипом Усмановым¹⁶ в жанре хрестоматии были подготовлены книги на татарском языке: «Татар әдәбияты тарихы буенча материаллар» («Материалы к истории татарской литературы», 1967), «Татар шигыре» («Татарский стих», 1964) «Шигырь төзелеше» («Стихосложение», 1967; 1975), «Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы» («Источники древнетюркской и татарской литературы», 1981), в которых представлены образцы стихотворных текстов, в том числе из древних и средневековых общетюркских памятников.

Однако и эти попытки не стали началом прорыва в гуманитарной науке. Татарская советская историческая наука все еще не признавала общетюркский период в истории татар. Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», содержащее пункт об ошибках в освещении истории Золотой Орды и эпоса «Идегей», наложило табу на исследования «националистического характера». Во исполнение данного постановления Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР инициировал проведение совместно с отделением истории и философии Академии наук СССР в Москве 25–26 апреля 1948 г. научную сессию по вопросу этногенеза казанских татар. В нем проникновение в Среднее Поволжье тюркского элемента (булгар) связывалось с населением Хазарского каганата¹⁷. По вопросу этногенеза

¹⁵ **Гайнуллин Мухаммет Хайруллович** (1903–1985) — советский татарстанский литературовед, доктор филологических наук (1958), профессор (1967), директор Института языка, литературы и истории Казанского Филиала Академии наук СССР (1944–1953, 1959–1961 гг.). Заслуженный деятель науки ТАССР (1963), РСФСР (1973).

¹⁶ **Усманов Хатиб Усманович** (1908–1992) — советский татарстанский литературовед, доктор филологических наук (1962), профессор (1964). Заслуженный деятель науки Татарской АССР (1968).

¹⁷ Происхождение казанских татар : материалы Отделения истории и философии Академии наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории

казанских татар было сделано заключение, что на «формирование их решающее влияние оказали местные племена и тюрко-язычные народности (булгары и другие)»¹⁸.

В первой главе «История формирования татарского народа» коллективной историко-этнографической монографии «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (1967), увидевшей свет в издательстве «Наука», установка 1948 г. была изложена коротко: «Основными предками татар Среднего Поволжья и Приуралья явились многочисленные кочевые и полукочевые, в большинстве тюркоязычные племена, которые приблизительно с IV в. н.э. стали проникать с юго-востока и юга в лесостепную часть Урала до верховьев р. Оки, постепенно ассимилируя древних аборигенов. В IX в. в центральной части указанной территории пришлые племена создали союз, а позднее — раннефеодальное государство, Волжско-Камскую Булгарию» [16. С. 9].

В целом автохтонная концепция, рекомендующая изучать историю этноса в рамках границ национальной республики, и болгарская концепция этногенеза татар вплоть до конца 1980-х гг. не позволяли включать древнетюркский период в обобщающие труды по истории. Прежде всего, была прервана традиция рассмотрения татар как части кочевого тюркского мира.

Таким образом, увидевшая свет в 1975 г. книга О. Сулейменова «Аз и Я» оказалась созвучной настроением татарских ученых, которые по причине выдавливания исследований древнетюркской истории из татарской историографии воспринимали ее как своего рода прорыв воздвигавшейся официальной идеологией и подвластными ей научными институтами преграды на пути всестороннего изучения языка, истории, литературы и культуры древних тюрков.

Показательно, что спустя 7 лет после вызвавшей переполох в официальных кругах публикации О. Сулейменова, в 1982 г. Н. Фаттах¹⁹ завершил труд «Тел тарихы» («История языка»), доказывающий, что существующие в науке подходы к изучению генезиса языка спорны. Известно, что писатель за поддержкой своих идей ездил в Москву к столичным языковедам и не нашел у них понимания [17.С. 6–7].

В своей книге Н. Фаттах предлагает один из вариантов дешифровки Фестского диска; излагает свое видение языковых взаимосвязей между тюркским и античными, индоевропейскими языками и т.д. Примечательно, что в переводе на русский язык книга была опубликована только в 1999 г. под названием «Язык богов и фараонов. Историко-лингвистические исследования».

Либерализация науки в годы перестройки способствовала оживлению интереса к национальной истории. Позитивную роль в этом процессе сыграло и стремление Татарстана обрести статус союзной республики, и одновременно

Казанского филиала Академии наук СССР 25–26 апреля 1946 г. в г. Москве (по стенограмме). Казань : Татгосиздат. Сектор научно-технической литературы, 1948. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 3–4.

¹⁹ **Фаттахов Нурихан Садрильманович** (1928–2004) — татарский писатель, переводчик, автор сочинений по истории и лингвистике; исторических романов.

начавшаяся работа по созданию научно-образовательной структуры, соответствующей этому статусу. В результате в 1991 г. была создана Академия наук Республики Татарстан, что стало новой вехой в истории гуманитарных наук в республике. За два года до этого знаменательного события, в 1989 г. в Казанском государственном университете были образованы факультет татарской филологии и истории и кафедра истории татарского народа. В 1994 г. в составе АН РТ был открыт Институт татарской энциклопедии, а в 1996 г. из состава ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова выделился Институт истории им. Ш. Марджани. Такая институционализация гуманитарной науки благотворно сказалась на развитии исследований в области истории, языка, литературы, культуры татарского народа.

Первый том академического издания «Истории татар с древнейших времен» (2002) [18], подготовленный Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, позволил представить древнюю и средневековую истории тюркских племен как часть истории Евразии (хунны, гунны, тюркские каганаты, татары, Хазарский каганат, Великая Болгария, огузы, печенеги, кимаки, кипчаки и половцы и т.д.); в результате история татарского этноса стала восприниматься как история евразийского масштаба.

По мнению научного руководителя тома С.Г. Кляшторного²⁰, «история взаимодействия и отчасти слияния всех групп древнего населения на протяжении двух — двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и формировались тюркоязычные этнические общности. Именно из среды этих близкородственных племен во 2 тыс. н.э. выделились современные тюркские народы России и сопредельных территорий» [18. С. 13].

Заключение

В народе говорят, «время собирать камни». Многие из того, что было когда-то высказано нашими уважаемыми мыслителями, зачастую идет вразрез с существовавшими некогда догмами и с позиции сегодняшнего дня воспринимается как слово, открывающее горизонты для новых научных исследований. К таковым относится история исследований древнетюркской истории и культуры: в татарской гуманитарной мысли она берет начало с конца XIX — начала XX в. Однако в советскую эпоху это направление научных изысканий в Татарской АССР оказалось под запретом. В таких условиях книга О. Сулейменова «АЗ и Я» с момента издания стала своего рода и откровением, и мотивацией, и руководством к действию для советских и современных татарских гуманитариев.

Безусловно, эмоциональные высказывания Олжаса Сулейменова, как, например, об определении даты формирования письменности у тюркских народов («Но можно с уверенностью сказать, что все проблемы (скорее — беды) тюркской палеографии связаны с этой искусственной датой. Оно позволяет относиться к рунам как к провинциальному, позднему, переизмысленному письму,

²⁰ **Кляшторный Сергей Григорьевич** (1928–2014) — российский тюрколог, специалист по древней и средневековой истории тюркских народов.

не представляющему принципиального интереса для всеобщей палеографии»²¹), и 50 лет назад, и сегодня заставляют задуматься. Слова мыслителя о «Слове о полку Игореве» («Мне кажется, следует хотя бы условно попытаться принять факт таким, какой он есть, и признать, что «Слово» — литературный памятник, по меньшей мере, двух временных срезов — XII и XVI веков. Что в нем сохранено от протографа и что привнесено Переписчиком? (Может помочь «Задонщина», которая послушно следует поэтике «Слова»²²). Эти дискуссии созвучны дискуссиям вокруг многих памятников татарской литературы.

Только в 1990-е гг. началось системное переосмысление исторических судеб народов России, произошел отход от догматических установок советской эпохи и конструирование новых теорий и методологий. Символично, что первая в России научная конференция, посвященная Золотой Орде, была организована и проведена в 1992 г. в Казани. Это событие явилось первым шагом в исследовании истории татар в контексте тюркской евразийской истории. Новый этап в реализации нового подхода ознаменовался изданием в 2002 г. благодаря помощи и содействию представителей столичных академических центров первого тома семитомной «Истории татар с древнейших времен» — книги «Народы степной Евразии в древности».

Список литературы

1. Керимова Т. Съезд, объединивший тюркский мир (посвящается 90-летию юбилею Первого Всесоюзного Тюркологического съезда) // Известия НАН Азербайджана. Серия общественных наук. 2016. № 3. С.20–34.
2. Губайдуллин Г.С. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов // Первый Всесоюзный тюркологический съезд : стенографический отчет. Баку, 1926. С. 39–56. Цит. по: Тюркологические исследования. 2019. 2 (3). С. 100-117.
3. Жизнь Джингиз-Хана и Аксак-Тимура, с присовокуплением разных отрывков, до истории касаемых, все для обучающихся расположены по алфавиту, в пользу воспитанников Императорского Казанского университета, составленная лектором того университета Ибрагимом Хальфиным. Казань : Изд-во Императорского университета, 1822. 82 с.
4. Буниятов З.М. От редактора // Бакиханов А. К. Гюлистан-и Ирам. Баку : Элм, 1991. С. 4–7.
5. Бакиханов А. К. Гюлистан-и Ирам. Баку : Элм, 1991. 304 с.
6. Щербак А.А. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. 1971. Москва : Наука; Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 54–63.
7. Габэши Хэсэгата. Төрк ыруглары. Казан : Лито-Типография И.Н. Харитонова, 1897. 20 б.
8. Габэши Хэсэгата. Мохтэсар тарих кауме төрки. Казан : Лито-Типография И.Н. Харитонова, 1899. 56 б.
9. Габэши Хасан-Гата. Всеобщая история тюркских народов. Казань : изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 248 с.
10. Алишев С.Х. Татар тарихчылары. Казан : Татар. кит. нәшр., 2006. 206 б.
11. Вэлиди Әхмэд-Зэки. Кыскача төрек-татар тарихы. Төзүчесе, төп текстның транскрипциясен эзерләүче, библиоографик исемлек, искәрмэләр һәм ахыр сүз авторы Р. Әмирхан. Казан : Татар. кит. нәшр., 1992. 181 б.

²¹ Сулейменов Олжас. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата : Жазушы, 1975. С. 204.

²² Там же. С. 21.

12. *Баттал Г.* Сайланма эсэрләр = Духовное наследие: поиски и открытия. Габдулбари Баттал. Избранные сочинения. Төз., текст., иск. һәм анл. эзерл.: Л.Ш. Гарипова, Л.Р. Надыршина, А.Н. Хәсәнова, Г.М. Ханнанова. Т. 2. Казан : ТӘҺСИ, 2023. 256 б.
13. *Гобәйдуллин Г.* Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма эсэрләр. Казан : Татар. кит нәшр., 1989. Б. 65–195.
14. *Загидуллина Д.Ф.* Кереш // *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. Борынгы дәвер / төз., текст., иск. һәм анл. эзерл.: Л.Ш. Гарипова, Г.А. Хөснетдинова, А. М. Ахунов, И.Г. Гомәров. Серия: Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. 15 нче чыг. Казан: ТӘҺСИ, 2022. Б. 5–16.
15. *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. Борынгы дәвер / төз., текст., иск. һәм анл. эзерл.: Л.Ш. Гарипова, Г.А. Хөснетдинова, А.М. Ахунов, И. Г. Гомәров. Серия: Рухи мирас : эзләнүләр һәм табышлар. 15 нче чыг. Казан: ТӘҺСИ, 2022. 300 б.
16. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Рахматуллин. Москва : Наука, 1967. 538 с.
17. *Фәттах Н.* Шәжәрә. Тарихи-лингвистик эзләнүләр. Казан : Татар. кит. нәшр., 1990. 325 б.
18. *Кляшторный С.* Предисловие к тому // История татар с древнейших времен : в 7 томах. Т. 1 : Народы степной Евразии в древности. Казань : Рухият, 2002. С. 12–16.

Сведения об авторах:

Загидуллин Ильдус Котдусович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-0501-2177. E-mail: zagik63@mail.ru.

Загидуллина Дания Фатиховна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, академик Академии наук РТ, Казань, Российская Федерация. ORCID: 0009-0000-1651-8347.